можно считать, что нарицательное имя „Шемякин суд“ возникло без влияния преданий о галицком князе XV в.

Поговорка о Шемякином суде, подобно многим другим русским пословицам и поговоркам, возникла как сентенция, почерпнутая из литературного текста, а именно из одноименной повести XVII в. Отсюда следует вывод, что не поговорка хронологически предшествует повести, как это думали исследователи Шемякина суда, а наоборот: повесть старше пословицы или поговорки.

Генезис пословичного выражения „Шемякин суд“ может служить одним из многочисленных примеров такого распространенного в русском фольклоре явления, как сокращение сказки в пословицу и поговорку; такую аналогию, которая объясняет возникновение поговорки о Шемякином суде, представляет, например, сказочное происхождение украинской поговорки: „Товчетця, як Марко по пеклу“, которая восходит к сказке о Марке Богатом; поговорки: „Прямой дурак“, „Дурному горя мало“, „И бог за дурнем“ — являются непосредственным заимствованием из сказок о дурнях; наконец, Л. З. Колмачевский убедительно доказал, что многие пословицы имеют своим источником сказки о животных.[1]

Популярностью повести „Шемякин суд“ в конце XVII в. можно объяснить и „исторические“ домыслы Каменевича-Рвовского и составителя карамзинского Хронографа о „судах“ галицкого князя Дмитрия Юрьевича: оба эти автора XVII в., основываясь на совпадении имен обоих Шемяк, без труда перенесли „кривосуд“ с имени литературного героя на исторического князя XV в., который был хорошо им известен по летописной повести о Шемякиной смуте.

Мы неоднократно подчеркивали выше, что имя судьи в повести только внешне совпадает с прозвищем галицкого князя Дмитрия Юрьевича, исключая тем самым возможность существования исторической связи между героем „Шемякина суда“ и этим удельным князем XV в. Мы отказываемся также и от поисков других исторических прототипов для образа лихоимного судьи XVII в., хотя бы уже потому, что очень многие исторические лица той поры носили имя Шемяка.

Историческая интерпретация имени Шемяка вызывает много затруднений, ибо сюжет повести о Шемякином суде в процессе своего бытования мог применяться к разным историческим личностям.

Насколько превратна в этом отношении судьба некоторых сюжетов, свидетельствует, например, история сказок об Иване Грозном, записанных Коллинзом в XVII в.: сказка „О лапотнике“ (по Указателю Аарне-Андреева № 921) и сказка „О царе и воре“ (Аарне-Андреев, №№ 950

---

[1] Л. З. Колмачевский. Животный эпос на Западе и у нас. Казань, 1892, стр. 30—35. — См. также: А. Н. Пыпин. О русской народной сказке. Отеч. зап., 1856, № 5, стр. 25; Ф. И. Буслаев. Русский быт и пословицы. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, СПб., 1861, стр. 91.